

DOI: 10.17803/1729-5920.2025.222.5.087-096

С. М. Кочои

Московский государственный юридический
университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
г. Москва, Российская Федерация

Суд vs наука уголовного права?

Резюме. Расследование и рассмотрение конкретного уголовного дела немыслимы без использования научных трудов, содержащих доктринальное толкование применяемого закона, а также анализ и обобщение практики его применения. Отказ от использования или игнорирование рекомендаций специалистов в области уголовно-правовых наук чреват прежде всего ошибочным применением норм материального права или принятием таких решений, которые не учитывают правовых позиций Пленума Верховного Суда РФ. Итогом принятия таких решений должностных лиц правоохранительных органов и судей может стать нарушение прав и свобод человека, которые в эпоху растущих вызовов и новых угроз и без того достаточно интенсивно (нередко вынужденно) ограничиваются во многих государствах мира, в том числе в России. Поэтому задача практики — совместно с наукой, с учетом ее достижений и рекомендаций принимать решения, которые защитят права и свободы граждан. Выполнение данной задачи предполагает, что наука не должна быть оторвана от реальной жизни, она должна исследовать проблемы и предлагать такие решения, которые действительно актуальны для субъектов правоприменения.

Ключевые слова: наука уголовного права; приговор; постановление; обвиняемый; обвинительное заключение; уголовное право; уголовный процесс; расследование

Для цитирования: Кочои С. М. Суд vs наука уголовного права? *Lex russica*. 2025. Т. 78. № 5. С. 87–96. DOI: 10.17803/1729-5920.2025.222.5.087-096

The Court vs Criminal Law Science?

Samvel M. Kochoi

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Moscow, Russian Federation

Abstract. The investigation and consideration of a specific criminal case seem impossible without the use of scientific works containing a doctrinal interpretation of the applicable law, as well as an analysis and generalization of the practice of its application. Refusal to use or ignore the recommendations of experts in the field of criminal law science is fraught primarily with the erroneous application of substantive law or the adoption of decisions that do not take into account the legal positions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation. The result of such decisions by law enforcement officials and judges may be a violation of human rights and freedoms, which, in an era of growing challenges and new threats, have already been intensively and often forcibly restricted in many countries of the world, including Russia. Therefore, the task of practice is to work with science, taking into account its achievements and recommendations, to make decisions that will protect the rights and freedoms of citizens. The solution to this problem assumes that science itself should not be divorced from real life; it should explore problems and offer solutions that are relevant to law enforcement subjects.

Keywords: science of criminal law; verdict; ruling; accused; indictment; criminal law; criminal procedure; investigation

Cite as: Kochoi SM. The Court vs Criminal Law Science? *Lex Russica*. 2025;78(5):87-96. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2025.222.5.087-096

Закон и наука по-разному стремятся к истине. То, что судья Шуб и судьи апелляционной инстанции проигнорировали лучшие научные доказательства, является интеллектуальным позором. Практическим результатом является то, что многие граждане могут пострадать.

Введение

В качестве эпиграфа к работе взято извлечение из статьи, опубликованной 27 декабря 1986 г. в газете New York Times¹. В ней рассказывается об истории принятия решения федеральным судьей Марвином Шубом (Marvin Shoob) об удовлетворении иска к фармацевтической компании Ortho Pharmaceutical, в основу которого были положены не научные факты, а голословные обвинения в причинении этой компанией ущерба здоровью истца вследствие пользования ее продукцией.

Имея 13-летний опыт подготовки по запросу участников уголовного судопроизводства научно-консультационных заключений (НКЗ), а в последний год также опыт личного участия в процессах в качестве специалиста — автора таких заключений, с сожалением должен отметить, что отечественные судьи ведут себя точно так, как американский судья Шуб: нередко игнорируют науку и ее рекомендации. Виной тому стереотипы, распространенные среди многих работников правоохранительных и судебных органов, как о практической ценности научных трудов в области юриспруденции (в том числе уголовно-правовых наук), так и о знании их авторами реальных проблем практики правоприменения. Не претендуя на то, чтобы развеять полностью и окончательно подобные стереотипы, автор настоящей работы с использованием примеров из личного опыта показывает опасность их реализации в

деятельности судов, поскольку они негативно сказываются на обеспечении не только всесторонности и объективности разрешения уголовных дел, но и равноправия сторон перед судом². Между тем именно с отсутствием реальной состязательности сторон в уголовном процессе следует связывать фактическое отсутствие в деятельности судов оправдательных приговоров.

Основная часть

Начнем с того, что подобного рода заключения в той или иной форме научные работники готовят не только для адвокатов или лиц, которых они представляют. Лично мне передавались запросы с просьбой подготовить НКЗ и из Следственного департамента МВД, и из СК РФ, и из территориальных подразделений этих ведомств, не говоря уже о многочисленных заключениях о проектах документов, исходящих от Госдумы, Прокуратуры, Минюста, Верховного Суда и других федеральных государственных органов, которые приходилось готовить за долгие работы в МГЮА. Поэтому широко распространенное среди судейского сообщества мнение о том, что ученые готовят заключения только для адвокатов и лиц, обвиняемых (подозреваемых) в совершении преступлений, а также осужденных, беспочвенно³.

Следующее замечание касается возмездного характера этих заключений. В решении суда одного из регионов РФ мне запомнились

¹ Federal Judges vs Science // URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.63d0bb6f-679e7e83-5939042c-74722d776562/https/www.nytimes.com/1986/12/27/opinion/federal-judges-vs-science.html (дата обращения: 02.02.2024).

² См. об этом также: Кочои С. М. Научно-консультативное заключение по уголовному делу: значение и перспективы использования // Права и обязанности гражданина и публичной власти: поиск баланса интересов : XVII Международная научно-практическая конференция (Кутафинские чтения) Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) и XX Международная научно-практическая конференция юридического факультета Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова (МГУ), Москва, 26–29 ноября 2019 г. : в 5 ч. Ч. 4. М. : Проспект, 2020. С. 128–131.

³ Примечательно, что даже «возможность и целесообразность» привлечения специалиста защитником вызывает неприятие у многих работников правоохранительных органов. См. об этом, например: Гришина Е. П. Привлечение специалиста защитником // Адвокатская практика. 2007. № 4. С. 25–26.

следующие рассуждения судьи: «Поскольку заключение специалиста со стороны защиты подготовлено на платной основе, суд критически оценивает содержащиеся в нем выводы»⁴. Иначе говоря, у суда такое заключение доверия не вызывает. При этом авторы научно-консультационных заключений и не собираются скрывать их возмездный характер. Во-первых, информация о возможности подготовки НКЗ имеется на официальных сайтах многих образовательных и научных организаций юридического профиля, оказывающих подобные услуги⁵. Во-вторых, специалисты и эксперты, привлекаемые к процессу со стороны обвинения (следствия и прокуратуры), надо полагать, тоже работают отнюдь не безвозмездно.

Хотел бы возразить и тем судьям, которые считают, что научный работник согласен давать заключение любому, кто в состоянии его оплатить. В подтверждение приведу всего два случая, которые, надеюсь, опровергают данный стереотип. Первый: ко мне обратились потерпевший от предполагаемого мошенничества и его адвокат (дело имело большой общественный резонанс; пострадавшими, в смысле потерявшими работу по его итогам, оказались высшие офицеры правоохранительных органов). Они хотели получить заключение о том, что мера пресечения в виде заключения под стражу в отношении обвиняемого избрана законно и оснований для ее отмены нет. Я отказался, поскольку был уверен, что данная мера применена незаконно, так как обвиняемый — предприниматель, а преступление, в котором его обвиняли, совершено в связи с осуществлением им предпринимательской деятельности (ч. 1.1 ст. 108 УПК в редакции Федерального закона от 02.08.2019 № 315-ФЗ⁶).

Во второй раз я отказал адвокату в подготовке заключения об ошибочности признания его подзащитного «лицом, занимающим высшее положение в преступной иерархии», так как был

уверен, что этот подзащитный — один из лидеров преступного мира России и на его совести немалое количество насильственных преступлений. В подобных ситуациях я исхожу из того, что моя репутация и репутация университета, в котором я работаю, дороже тех денег, которые обещают стороны за подготовку такого заключения.

Еще один стереотип, который сложился у судей, — это якобы отсутствие у научных работников необходимых знаний о практике правоприменения. «Теоретики» — так с известной долей снобизма некоторые из них отзываются об ученых, что для считающих себя «практиками» равно «юристы, которые жизнь знают только по книжкам». Действительно, нередко в науку, в том числе юридическую, приходят лица, вся сознательная жизнь которых протекала исключительно в образовательных организациях, где они последовательно проходили известные всем ступени жизненного пути: ученик — студент — аспирант — преподаватель. С учетом этого обстоятельства солидные, прежде всего государственные, вузы не без оснований поручают подготовку научно-консультационных заключений тем своим работникам, которым практика правоприменения знакома не понаслышке, имеют труды, посвященные ее актуальным проблемам. Нельзя не отметить и тот общеизвестный факт, что среди судей есть немало лиц, карьерный путь которых (секретарь судебного заседания — помощник судьи — судья) с большой натяжкой может свидетельствовать о достаточной осведомленности в области правоприменительной практики.

Возможно, перечисленными выше обстоятельствами можно объяснить тот парадокс, что некоторых судей раздражает даже само ходатайство защиты о приобщении к материалам дела научно-консультационного заключения или привлечении к участию в процессе его автора — специалиста⁷. Помню, как судья одного

⁴ В приговоре одного из судов г. Самары судья дал такую оценку заключению специалиста (особо подчеркнув «приглашенного на договорной основе подсудимым»): «...Суд принимает во внимание то обстоятельство, что отчеты об оценке подготовлены за вознаграждение со стороны заинтересованных лиц, что оставляет сомнения в объективности их выводов».

⁵ См., например: Правовая экспертиза // Официальный сайт Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). URL: <https://msal.ru/structure/nauchno-obrazovatelnye-tsentry/tsentr-ekspertiz-i-pravovogo-konsaltinga/pravovaya-ekspertiza/>.

⁶ Федеральный закон от 02.08.2019 № 315-ФЗ «О внесении изменений в статьи 108 и 109 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2019. № 31. Ст. 4474.

⁷ О других обстоятельствах, затрудняющих участие специалиста в процессе со стороны защиты, см.: Давлетов А. А., Чарыков А. В. Верховный Суд РФ «сворачивает» право адвоката-защитника привлекать спе-

из районных судов Москвы, отклонив (вопреки положениям ч. 4 ст. 271 УПК РФ) ходатайство четырех адвокатов и их подзащитных о приглашении меня из коридора в зал заседания и допросе в качестве специалиста, прямо сказала им: «Вы не доверяете моей квалификации? Если не доверяете, заявите мне отвод!»

Иногда судьи отказываются приобщить к материалам дела НКЗ специалиста по той причине, что специалист *не знает* «всех» обстоятельств дела, так как предметом его исследования было только обвинительное заключение или постановление о привлечении в качестве обвиняемого либо им исследовались *копии* этих документов, а не оригиналы. Понятно, что факт ознакомления с копией или оригиналом документа сути дела не меняет, ведь ни один адвокат не заинтересован в представлении научному работнику для подготовки НКЗ поддельного обвинительного заключения или приговора. Что касается незнания специалистом «всех» обстоятельств дела, а разве такое знание требуется для вывода о том, соответствует ли закону отдельно взятое обвинительное заключение или постановление о возбуждении уголовного дела?⁸

В некоторых случаях, как, например, в уже упомянутом приговоре судьи из Самары, соответствующее ходатайство адвоката было отклонено потому, что «окончательная оценка доказательств по уголовному делу относится к компетенции суда», в других — потому, что «окончательная квалификация является правом суда», и т.д. Между тем специалист своим заключением не посягает на компетенцию судьи и не навязывает ему свою квалификацию, поскольку он, в силу своего статуса, лишен такой возможности.

Смеем предположить, что все эти отговорки преследовали одну цель — избежать участия в суде специалиста или приобщения его заключения к делу, что могло бы поставить под сомнение ту квалификацию, то решение, которые судья для себя уже определил. В правильности собственных решений сомневаться не хотелось, иначе пришлось бы выслушать другие мнения, основанные не на стереотипах правоприменения, а на доктринальном толковании норм УК и УПК.

Переходя непосредственно к роли и месту научно-консультационного заключения специалиста в уголовном судопроизводстве, отметим следующее. Прежде всего, факт отсутствия в ст. 307 УК РФ ответственности специалиста за заведомо ложное заключение, вопреки мнению практиков⁹, не может свидетельствовать о том, что такое заключение не является доказательством. Достаточно, чтобы судья, заинтересованный в объективном рассмотрении дела и, главное, в обеспечении подлинной состязательности процесса, удовлетворил ходатайства о даче специалистом показаний, за заведомую ложность которых, как известно, такая ответственность в упомянутой норме УК РФ предусмотрена.

Не должен вызывать сомнений и положительный ответ на вопрос, может ли в процессе по делу о применении правовых норм в качестве специалиста выступать юрист, в том числе научный или научно-педагогический работник, авторитетный ученый в соответствующей отрасли юриспруденции (например, уголовного права), а в ее пределах — в исследовании соответствующей темы (например, экономических преступлений). И дело здесь не только в том,

циалиста в судебное следствие? // Российский судья. 2022. № 1. С. 60–64; Давлетов А. А. Обязанность суда удовлетворять ходатайство стороны защиты о привлечении специалиста как условие обеспечения состязательности в уголовном судопроизводстве // Администратор суда. 2018. № 3. С. 28–31 и др.

⁸ Вот, например, выдержка из приговора, в котором судья, оценив заключения специалистов, в том числе кандидата юридических наук, доцента Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), заключил, что «не может принять их во внимание, поскольку выводы каждого специалиста даны относительно отдельных доказательств, которые содержат в том числе и оценочные суждения таковых, не основаны на полном и всестороннем исследовании всей совокупности доказательств по делу, а именно без учета показаний потерпевшей и свидетелей, в связи с чем суд считает, что таковые не опровергают и не ставят под сомнение представленные стороной обвинения доказательства». Между тем закон не запрещает делать «оценочные суждения» и не требует, чтобы они основывались на «всей совокупности» доказательств. При этом если данные суждения опровергают или ставят под сомнение отдельные выводы обвинения (что имело место в упомянутых заключениях), то это уже, на наш взгляд, достаточное основание для их переоценки судом.

⁹ См. об этом, например: Маркова Т. Ю. Заключение специалиста — доказательство в уголовном судопроизводстве? // Уголовное судопроизводство. 2010. № 2. С. 13–16.

что никаких ограничений на этот счет законодательство не содержит. Участие специалиста в области уголовного или уголовно-процессуального права — это ведь еще и консультация для судей, своеобразная помощь им, поскольку не все они имеют время (а возможно, даже желание) изучить большую практику применения той или иной нормы, ее доктринальное толкование. Для меня, преподавателя с почти 40-летним опытом работы в юридическом вузе, аксиома, что если есть выпускники юридических вузов и факультетов с низким уровнем теоретических знаний (а они есть, и это не вызывает сомнений), то должны быть также судьи, следователи и прокуроры с таким уровнем знаний.

Я, например, часто говорю студентам, что ахиллесова пята практиков — это субъективная сторона преступления. Отсюда получаем следователей и судей, которые квалификацию преступлений фактически производят по чуждому российскому УК принципу объективного вменения. Такие «практики» при описании преступления вовсе не упоминают вину, либо ограничивают ее содержание одним интеллектуальным элементом (не понимая, что вина включает и волевой элемент, установление которого обязательно), либо указывают, что ими «установлены» предвидение и желание лицом общественно опасных последствий, хотя состав преступления, будучи формальным, не содержит таких последствий, и т.д. Поэтому, когда судьи отказывают в участии в процессе специалиста-правоведа, остается надеяться, что такой судья отлично разбирается в теории уголовного права и практике применения его норм. Но мой опыт подготовки НКЗ, к сожалению, свидетельствует о большом разрыве между представлениями науки и практики об одном и том же — уголовном и уголовно-процессуальном законах.

В качестве иллюстрации хотел бы привести ряд процессуальных решений органов предварительного расследования и приговоров, в которых речь идет даже не о сложных и спорных вопросах квалификации или назначения наказания, а об очевидном несоответствии выводов правоприменителя закону и правовым позициям высшей судебной инстанции стра-

ны. Так, согласно разъяснениям Пленума Верховного Суда РФ, при мошенничестве (ст. 159 УК РФ) происходит изъятие чужого имущества¹⁰. Однако в приговоре осужденному за его совершение Ш. вместо «изъятия» формой деяния, вмененного ему, суд определил «похищение», «обращение в свою пользу», «израсходование денежных средств». При этом похищение как форма деяния при совершении мошенничества отсутствует и в УК РФ, и в вышеупомянутом постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 48 (в практике оно устанавливается обычно в отношении кражи чужого имущества). Что касается «обращения в свою пользу» и «израсходования» денежных средств, то такие деяния возможны при совершении присвоения или растраты, предусмотренных совершенно другой статьей УК РФ — ст. 160. Такое толкование позволяет специалисту заключить: оснований считать, что приговор содержит описание деяния как признака состава мошенничества, вмененного осужденному, нет.

В другом случае К. было предъявлено обвинение в совершении сразу двух деяний: финансовых операций и сделок (ст. 174.1 УК РФ). Уголовный кодекс РФ и Пленум Верховного Суда РФ вкладывают разное содержание в эти два понятия. Так, согласно правовой позиции Пленума Верховного Суда РФ, *под финансовыми операциями* могут пониматься любые операции с денежными средствами (наличные и безналичные расчеты, кассовые операции, перевод или размен денежных средств, обмен одной валюты на другую и т.п.), тогда как *к сделкам* относятся действия, направленные на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей, а равно на создание видимости возникновения или перехода гражданских прав и обязанностей¹¹. В действительности, исходя из анализа текста обвинительного заключения, речь шла о *совершении одной финансовой операции*. В нем не было никакого описания сделок. То есть следствие, вопреки правовой позиции Пленума Верховного Суда РФ, *не стало даже различать эти два понятия или, может быть, не увидело различий между ними*.

¹⁰ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 (ред. от 15.12.2022) «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 2.

¹¹ П. 6 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 07.07.2015 № 32 (ред. от 26.02.2019) «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 9.

Один из признаков состава преступления, который, согласно ст. 307 УПК РФ, должен быть описан в приговоре, — это способ его совершения. Согласно ч. 1 ст. 159 УК РФ, мошенничество может быть совершено путем обмана или злоупотребления доверием. Как показывает анализ судебных решений, многие суды не обращают внимания на альтернативный характер способов мошенничества (в тексте уголовного закона между ними использован разделительный союз «или»). Точно так же эти способы разделены в постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 48. Такое разделение означает, что в одном поведении, в одном преступлении не могут иметь место сразу два способа его совершения. Данный вывод вытекает не только из текста закона, но и из уголовно-правового принципа вины, предполагающего осознание лицом объективных признаков состава преступления, в том числе способа (одного из двух — так, как он непосредственно указан в тексте закона), выбранного им для совершения преступления.

Описание в судебных решениях сразу двух способов, указанных в диспозиции нормы о мошенничестве¹², приводит к мысли, что судом установлено совершение якобы двух деяний (двух преступлений). Именно так следует понимать изложенную в приговоре одного из районных судов г. Москвы позицию: «Учитывая, что Ф. И. О. сообщал потерпевшей ложные сведения о необходимости привлечения денежных средств для участия в тендере по благоустройству парка, суд квалифицирует действия подсудимого как мошенничество, совершенное путем обмана, а также то, что Ф. И. О. был долгое время знаком с потерпевшей и ее супругом, как злоупотребление доверием». Ввиду того что квалификации подлежат деяния, а не способы совершения преступления, из приведенной цитаты можно заключить, что судья дал квалификацию двух деяний («квалифицирует действия»): отдельно мошенничества путем обмана и отдельно мошенничества путем злоупотребления доверием. Но в судебных

решениях по данному делу указано, что лицо признано виновным и осуждено за совершение только одного мошенничества. Таким образом, анализ представленных для исследования судебных решений показал, что они не содержат описания способа совершения преступления, поскольку он бесспорно не установлен.

При изучении приговора одного из районных судов обратило на себя внимание определение в нем корыстной цели лица, признанного виновным в совершении присвоения чужого имущества: «незаконное личное обогащение путем безвозмездного изъятия вверенных ему денежных средств». С точки зрения суда, способом совершения инкриминируемого осужденному хищения было *изъятие* вверенных ему денежных средств. Однако ни Уголовный кодекс РФ, ни Пленум Верховного Суда РФ не считают способом совершения присвоения изъятие чужого имущества. Изъятие имущества из чужого владения имеет место, например, при краже или грабеже, но не при присвоении. Виновному незачем изымать чужое имущество, оно и так находится в его ведении (владении). При этом изъятие — не способ, а форма деяния, которой Уголовный кодекс РФ (ст. 160) и высшая судебная инстанция признают обращение чужого имущества в пользу виновного (третьих лиц). Но в тексте приговора районного суда нигде не было ссылки на *обращение* (чужого имущества в свою пользу) как форму деяния при совершении присвоения. Следовательно, районный суд вновь неверно установил способ совершения хищения чужого имущества, инкриминируемого лицу, то есть неверно применил норму материального уголовного права.

Не укладывается в рамки правовой позиции Пленума Верховного Суда РФ (постановление № 48) вывод одного из районных судов г. Москвы о том, что «о направленности умысла» на совершение мошенничества в отношении потерпевшей свидетельствует «сам факт предъявления подсудимым требований материального характера и получение от потерпевшей желаемой суммы». Помимо этого, при описа-

¹² Как верно отмечает судья Верховного Суда РФ (в почетной отставке) С. А. Ворожцов, «в судебных решениях нередко суды механически воспроизводят весь текст соответствующей нормы уголовного закона, то есть дословно переписывают диспозицию той или иной нормы Уголовного кодекса РФ». «Если из альтернативных формулировок к фактическим обстоятельствам дела относится только одна (или некоторые из них, но не все), — уточняет он свою мысль, — то только она (или некоторые, но не все) должна быть представлена в начале описательно-мотивировочной части приговора». См.: Ворожцов С. А. Описательно-мотивировочная часть обвинительного приговора. Требования к форме, содержанию, языку и стилю изложения // Мировой судья. 2020. № 2. С. 14–24.

нии вины приговор пестрил понятиями, неизвестными уголовному закону:

— «преступный умысел» (умысел — это вина, а вина не может быть «преступной», преступным может быть деяние);

— «цель личного обогащения» (с точки зрения уголовного закона безразлично, кто обогатится — лично виновный или третьи лица, поэтому законодатель к обязательным признакам хищения чужого имущества относит не «личное обогащение», а «корысть») и т.д.

Такое же несерьезное отношение к описанию вины и других признаков субъективной стороны можно увидеть во многих приговорах, как опубликованных, так и неопубликованных. Например, в приговоре одного из судов утверждалось, что осужденный за хищение чужого имущества «имел корыстный умысел» (тогда как в законе говорится о прямом и косвенном умысле, а корыстными могут быть мотив или цель), преследовал «цель преступной наживы» (в законе говорится о «корыстной цели») и т.д.

На наш взгляд, подобного рода недостатки вряд ли можно считать несущественными при составлении постановлений о возбуждении уголовного дела или привлечении в качестве обвиняемого. Они кладутся в основу серьезных обвинений, в том числе влекущих задолго до суда серьезные меры пресечения (среди которых заключение под стражу пользуется особой популярностью).

Наибольшее количество споров вызывает квалификация преступлений в представляемых для исследования специалисту постановлениях (обвинительных заключениях) и приговорах. Так, в деле К. действия по перечислению денежных средств между двумя ООО, контролируемые членами предполагаемого преступного сообщества (преступной организации), потраченных впоследствии на приобретение нефтепродуктов, московскими следователями были квалифицированы как легализация денежных средств или иного имущества, приобретенных лицом в результате совершения им преступления (п. «а» ч. 4 ст. 174.1 УК РФ). При этом денежные средства фактически перемещались внутри нелегального оборота, то есть не вводились в легальный оборот. Подобная ситуация, надо сказать, известна правоприменительной практике. Пока-

зательным можно считать приговор Пензенского областного суда о том, что «не образуют окончательного состава преступлений, предусмотренных статьей 174.1 УК РФ, финансовые операции или иные сделки, результатом которых стало “перемещение” имущества между банковскими счетами, подконтрольными лицу, совершившему предикатное преступление, а равно финансовые операции или иные сделки, направленные на перемещение денежных средств или иного имущества между цепочкой юридических лиц, специально созданных либо используемых для совершения преступлений»¹³.

В другом деле апелляционная инстанция (Московский городской суд), отменяя приговор в части осуждения по ст. 174.1 УК РФ и прекращая уголовное дело в соответствующей части, указала: «К подобным действиям нельзя отнести осуществляемые осужденными действия по приобретению автомашин на имя М., которыми они пользовались, и приобретение долларов США. Таким образом, проводимые осужденными финансовые операции и сделки были направлены на то, чтобы иметь реальную возможность распорядиться полученными деньгами. Между тем подобные действия также не свидетельствуют о цели отмыывания денежных средств, не имели цели придания правомерности владения деньгами, полученными в результате совершения преступления»¹⁴.

Сходство приведенных решений с обвинением К. в совершении преступления, предусмотренного статьей 174.1 УК РФ, очевидно, поскольку перечисленные на счета подконтрольных К. организаций деньги были потрачены на приобретение нефтепродуктов. Однако то обстоятельство, что правоохранители и судьи знают, как должны быть квалифицированы подобные действия (состав легализации отсутствует), вовсе не означает, что они не будут преследовать в уголовно-правовом порядке лицо, обвиняемое в их совершении.

Еще один пример касается достаточно острой темы — вменения квалифицирующего (особо квалифицирующего) признака «совершение преступления организованной группой»¹⁵. В деле Я., обвиняемой в мошенничестве, совершенном организованной группой, следствие пошло по пути перечисления характеристик

¹³ Апелляционное определение Пензенского областного суда от 27.04.2022 по делу № 22-351/2022.

¹⁴ Апелляционное определение Московского городского суда от 28.09.2018 по делу № 10-13238/2018.

¹⁵ Вообще, по моим наблюдениям, вменение признака, связанного с совершением преступления в соучастии (группе), в практике приобрело лавинообразный, а главное, неконтролируемый характер. То

(признаков) данной группы, причем не только непосредственно закрепленных в законе (ч. 3 ст. 35 УК РФ), но и отсутствующих в нем, например называло среди таковых «использование сложных способов совершения преступления», хотя общеизвестно, что способом мошенничества может быть либо обман, либо злоупотребление доверием. Ничего «сложного» здесь не может быть. Примечательно, что, описывая другие признаки организованной группы, следствие трансформировало ее участников (членов) в «лиц, не входящих в состав организованной группы и не осведомленных о целях и задачах функционирования организованной группы, но осознававших преступность такого вида деятельности и свою причастность к организованной группе». Естественно, возникает вопрос: каким образом лицо, не осведомленное о целях и задачах организованной группы, может осознавать характер (преступный) ее деятельности? Или как лицо, не входящее в организованную группу, может осознавать свою причастность к ней? Очевидно, что приписывание организованной группе признаков, которых в реальности не может быть, делало вывод следственного органа относительно наличия такой группы (в действиях Я.) сомнительным.

Стоит также отметить, что вменению Я. квалифицирующего признака «мошенничество, совершенное организованной группой», противоречило признание ее же «соучастником организованной группы». Ведь если Я. предъявлено обвинение в совершении мошенничества организованной группой, значит, она признана участником (членом) такой группы. Соучастником организованной группы она не может быть признана. Не только в теории, но и в законе нет такого понятия — «соучастник организованной группы». Можно быть соучастником (совершения) преступления, но не соучастником группы.

Столь же неубедительно и противоречиво были описаны обстоятельства дела по обвине-

нию К. А. В. и К. О. И. в совершении преступления, предусмотренного частью 1 ст. 210 УК РФ. В обвинительном заключении следственный орган обосновал форму соучастия и вид соучастников сомнительным образом, указав, что оба они являлись «руководителем и исполнителем в преступном сообществе (преступной организации)» и осуществляли «общее руководство структурным подразделением преступного сообщества (преступной организации)». При этом обвинительное заключение не содержало данных о том, каким образом К. А. В. и К. О. И., дав согласие стать руководителями *структурного подразделения* преступного сообщества (преступной организации), одновременно могли стать «руководителем и исполнителем в преступном сообществе (преступной организации)». Обвинительное заключение не содержало обстоятельств, разграничивающих их роли в качестве «руководителей» отдельно преступного сообщества (преступной организации) и отдельно — его (ее) структурного подразделения.

Помимо этого, следствие придумало неизвестный ч. 1 ст. 210 УК РФ вид соучастников — «исполнитель в преступном сообществе (преступной организации)». В названной норме описаны действия только создателя и руководителя преступного сообщества (преступной организации), а также лица, координирующего действия организованных групп, и т.п. Никакого «исполнителя в преступном сообществе (преступной организации)» в ней нет.

Еще больше сомнений в том, что обвинительное заключение по этому делу действительно содержит все имеющие значение для уголовного дела обстоятельства, вызвало перечисление в нем «функций» (действий) «неустановленных участников структурного подразделения». Представляется, что описание действий, которые неизвестно даже кто совершил, не только нелогично, но и неубедительно

обстоятельство, что на момент предъявления обвинения не установлен второй субъект преступления, похоже, никакого значения теперь не имеет. Так, в январе 2025 г. следователь СУ СК России по Новосибирской области вынесла постановление о привлечении в качестве обвиняемой М. Ф. А. Не найдя в ее квартире кий (которым она якобы ударила по голове свою совершеннолетнюю дочь К. М. И., с которой проживала в этой квартире) и не приведя ни одного доказательства, подтверждавшего участие других лиц в «незаконном лишении свободы» К. М. И. (мать «в наказание» за аморальный, с ее точки зрения, поступок дочери запретила последней покидать квартиру), следователь обвинила М. Ф. А. в незаконном лишении свободы, совершенном группой лиц по предварительному сговору, с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия (п. «а», «г» ч. 2 ст. 127 УК РФ). Судью, согласившуюся с мнением следователя о применении меры пресечения к М. Ф. А., отсутствие указанных обстоятельств не смутило...

с точки зрения построения на этой основе обвинения в участии в преступном сообществе (преступной организации) или его (ее) организации.

Заключение

В условиях, когда судьи выносят практически исключительно обвинительные приговоры, нередко последнюю свою надежду на вынесение ими законного решения граждане связывают с наукой, полагая, что известный и авторитетный ученый сможет выступить научным арбитром в споре между обвинением и защитой. Однако безусловная приверженность стереотипам и шаблонам в правоприменительной деятельности, нивелирование возможности использовать в уголовном процессе специалиста в области юриспруденции и его знания могут убить в них

эту надежду. Один из адвокатов рассказал мне, что после нескольких попыток доказать ошибочность обвинения в совершении преступления его клиент, с горечью размышляя о перспективах своего дела, спросил: «Может, мне лучше признать свою виновность, чем тратить деньги на адвокатов, экспертов и специалистов? Может, мне заключить досудебное соглашение о сотрудничестве?»

Как резюмировала американская газета касательно упомянутого случая с принятым судьей решением, «многие граждане могут пострадать». Наша задача — помочь гражданам не пострадать от решений судей, сохранить веру в правосудие, профессиональный уровень вершителей которого зависит от их желания и умения применять в своей деятельности достижения юридических наук, включая уголовно-правовые.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ворожцов С. А. Описательно-мотивировочная часть обвинительного приговора. Требования к форме, содержанию, языку и стилю изложения // Мировой судья. 2020. № 2. С. 14–24.
- Гришина Е. П. Привлечение специалиста защитником // Адвокатская практика. 2007. № 4. С. 25–26.
- Давлетов А. А. Обязанность суда удовлетворять ходатайство стороны защиты о привлечении специалиста как условие обеспечения состязательности в уголовном судопроизводстве // Администратор суда. 2018. № 3. С. 28–31.
- Давлетов А. А., Чарыков А. В. Верховный Суд РФ «сворачивает» право адвоката-защитника привлекать специалиста в судебное следствие? // Российский судья. 2022. № 1. С. 60–64.
- Кочои С. М. Научно-консультативное заключение по уголовному делу: значение и перспективы использования // Права и обязанности гражданина и публичной власти: поиск баланса интересов : XVII Международная научно-практическая конференция (Кутафинские чтения) Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) и XX Международная научно-практическая конференция юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (МГУ), Москва, 26–29 ноября 2019 г. : в 5 ч. Ч. 4. М. : Проспект, 2020. С. 128–131.

REFERENCES

- Davletov AA, Charykov AV. Is the Supreme Court of the Russian Federation «curtailing» the right of a defense lawyer to involve a specialist in a judicial investigation? *Rossiyskiy sudya [Russian Judge]*. 2022;1:60-64. (In Russ.).
- Davletov AA. The court's obligation to satisfy the defense's request for the involvement of a specialist as a condition for ensuring competitiveness in criminal proceedings. *Administrator suda*. 2018;3:28-31. (In Russ.).
- Grishina EP. Involvement of a specialist by a defender. *Advokatskaya praktika [Advocate's Practice]*. 2007;4. (In Russ.).
- Kochoi SM. Scientific advisory opinion on a criminal case: Significance and prospects of its use. In: The rights and duties of a citizen and public authority: The search for a balance of interests. The 17th International Scientific and Practical Conference (Kutafinsky Readings), Kutafin Moscow State Law University (MSAL) and the 20th International Scientific and Practical Conference of the Faculty of Law, Lomonosov Moscow State University (MSU), Moscow, November 26–29, 2019. In 5 parts. Part 4. Moscow: Prospekt Publ.; 2020. Pp. 128–131. (In Russ.).
- Vorozhtsov SA. Descriptive and motivational part of the guilty verdict. Requirements for the form, content, language and style of presentation. *Mirovoy sudya [Magistrate Judge]*. 2020;2:14-24. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кочои Самвел Мамадович, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
д. 9, Садовая-Кудринская ул., г. Москва 125993, Российская Федерация
Sam.kochoi@bk.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Samvel M. Kochoi, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation, Dr. Sci. (Law), Professor, Professor, Department of Criminal Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL) Moscow, Russian Federation
sam.kochoi@bk.ru

Материал поступил в редакцию 4 сентября 2024 г.

Статья получена после рецензирования 14 апреля 2025 г.

Принята к печати 15 апреля 2025 г.

Received 04.09.2024.

Revised 14.04.2025.

Accepted 15.04.2025.